

Гу Чуньлай любил поесть, и перепелиные яйца «тигровая шкура» были его любимым лакомством. Сяо Жофэй помнил, как в студенческие годы Гу Чуньлай, обычно спокойный, из-за нескольких таких яиц целый день с ним не разговаривал.

— Солнце, что ли, с запада вошло? — с любопытством спросил Сяо Жофэй, подталкивая Гу Чуньлая.

— Не голоден, — просто ответил Гу Чуньлай.

— Да брось, ты с утра съел только овощной пирожок и выпил чашку рисовой каши с яйцом.

Желудок Гу Чуньлая предательски заурчал. Он смутился и взял яйцо с ложки Сяо Жофэя.

— Сегодня... голова немного туманная, до сих пор не могу прийти в себя.

— Не выспался? Чжан Ичэн храпел, да?

Гу Чуньлай молчал, а затем с трудом выдавил:

— Нет, вчера спал хорошо. Просто... я думал об этом.

Он достал аккуратно сложенный лист бумаги и протянул его Сяо Жофэю.

Не открывая, Сяо Жофэй понял, что это был его план развития карьеры для Гу Чуньлая. По выражению лица друга он боялся взглянуть на него.

Но Гу Чуньлай не дал ему времени на раздумья, развернув лист.

На белом листе был нарисован большой красный вопросительный знак.

— Что это значит? — напряжённо спросил Сяо Жофэй.

— Не торопись, дай мне закончить.

Сяо Жофэй глубоко вздохнул, взял телефон и, глядя на экран, начал:

— Говори.

Четыре года в университете, семь лет в профессии — Гу Чуньлай прошёл долгий путь, чтобы обрести уверенность и перестать блевать перед выходом на сцену. Когда он снимался в «Двух городах», хоть и сомневался, но всё же справился.

Но сейчас всё было иначе.

Он будто вернулся в тот момент, когда впервые стоял в театре и наблюдал за игрой старшего брата Лу и режиссёра. Весь его прошлый опыт, успехи, талант, надежда театра — всё это в тот момент превратилось в ничто.

Он чувствовал, что только начал понимать суть актёрского мастерства, будто новорождённый, впервые открывающий глаза на мир.

— Жофэй, ты же знаешь, я раньше не снимался в кино...

Хотя Гу Чуньлай согласился говорить, Сяо Жофэй прервал его:

— Эй! А мой дипломный проект что, не считается?!

— Твой дипломный проект для меня — это твой дипломный проект, уникальное творение, — усмехнулся Гу Чуньлай, но затем лицо его стало серьёзным. — Помнишь? Мы целое лето писали сценарий, полгода готовились и два месяца снимали. В театре репетиции занимали минимум три — четыре месяца, а то и полгода. А этот фильм? Чтение сценария заняло неделю, съёмки — два месяца...

— А «Два города» разве не так? — спросил Сяо Жофэй.

— Там съёмки длились дольше, — поправил его Гу Чуньлай, — да и манера игры... Я не говорю, что они плохие, но мне кажется, она была более расслабленной.

Кино, как понимал Гу Чуньлай, требовало, чтобы каждая клетка тела играла, передавая эмоции с точностью и глубиной, более драматично, чем телевидение, но без свободы театра.

Многие говорили ему, что театральные актёры без проблем снимаются в кино. Даже Сяо Жофэй был уверен, что у него всё получится. Но теперь он увидел потолок, увидел небо за ним и понял, насколько наивны были его прежние представления. Он не знал, сможет ли он соответствовать партнёру по съёмкам, не знал, не испортит ли он баланс кадра, если окажется в нём вместе с ним.

— Жофэй, я немного боюсь, — голос Гу Чуньлая звучал почти как мольба.

Сяо Жофэй убрал телефон и серьёзно посмотрел на него:

— Ты боролся с медведем, выжил после встречи с Джейсоном, и теперь боишься?

Гу Чуньлай вспомнил, как тогда шутил, и ему стало неловко. Он махнул рукой, чтобы Сяо Жофэй перестал.

— Повторю ещё раз: играй свободно. Я видел твою игру, поэтому могу так говорить. У тебя есть недостатки, это нормально, они есть у всех, даже у Сяо Цаньсин.

Гу Чуньлай понял, что это не просто утешение от друга, а искреннее признание одного кинематографиста другому. Он выпрямился, пристально глядя на Сяо Жофэя, и после раздумий сказал:

— Я изучил вопрос. Кинокомпания «Цаньсин» занимается производством фильмов, а студия Бай Яньнана «Фэйсян» помогает актёрам набирать популярность и продвигаться дальше.

Сяо Жофэй был недоволен, но Гу Чуньлай говорил правду.

— Я никогда этого не делал и не знаю, смогу ли. Я хочу быть осторожным, ответственность лежит на мне, и на тебе тоже.

— Слушай, Гу Чуньлай, я выбрал тебя, хочу подписать с тобой контракт, и ни разу не пожалел об этом.

Взгляд Сяо Жофэя встретился с его глазами, коснулся прошлого и будущего, которое он надеялся увидеть.

— Я подожду. Подожду, пока ты закончишь этот фильм, пока разберёшься в себе, пока перестанешь сомневаться. Тогда ты дашь мне ответ, хорошо?

Звуки вокруг стали далёкими, люди вокруг размылись. Они смотрели друг на друга, и казалось, что в этом уголке мира есть только они двое.

Гу Чуньлай почувствовал, как уши зачесались, а сердце готово было вырваться из груди.

Несмотря на все сомнения, то, что должно было произойти, произойдёт.

Первая сцена Гу Чуньлая была назначена на вечер второй недели съёмок.

Сцена была несложной: Ду Цзянсюэ стучится в квартиру Чжоу Сяоча, тот, сонный и неопрятный, видит мать, которая давно с ним не общалась, и приглашает её войти. В квартире также находится его невеста Лю Мэйцзе, которая занимается гостьей, а Чжоу Сяочай готовит чай.

Так как действие происходило утром, а Фан Цю настаивал на естественном освещении, сцену можно было снять только на рассвете или на закате. Если сегодня не получится, придётся перенести на завтра, и весь график съёмок сдвинется.

Хотя сцена была простой, Гу Чуньлай не позволял себе расслабляться, собрав все силы.

К концу октября в Байшуй стало прохладно, и свет стал более мягким. Перед съёмкой Гу Чуньлай вышел из трейлера в почти прозрачной белой майке, и мурашки сразу побежали по его коже. Чжан Ичэн предложил накинуть куртку, но тот отказался, пошёл вперёд, к декорациям, к режиссёру, не оглядываясь.

Это была его первая сцена, но также первая встреча его персонажа с матерью и невестой. Ключевым моментом был диалог двух женщин, а ему нужно было лишь показать сонное состояние и отсутствие удивления от визита матери. На общение женщин он не должен был реагировать.

Фан Цю объяснил всё, и Гу Чуньлай лёг на кровать Чжоу Сяоча, не говоря ни слова, не обращая внимания на окружающих. Его кожа стала холодной, кровь горячей, взгляд глубоким, а затем расслабленным, будто он был между сном и явью, а за окном только начинался рассвет. После объяснения Юй Цяньфань, играющая Лю Мэйцзе, тоже легла на кровать, накрылась одеялом, повернулась спиной к нему, но голова её была наклонена в его сторону, а глаза смотрели в потолок, пустые, будто она только что проснулась от долгого сна.

Сяо Жофэй, видя, что актёры готовы, сжал кулаки и незаметно встал за монитором.

— Начали!

По команде раздался стук в дверь. Камера была сосредоточена на Сяо Цаньсин, и Гу Чуньлай не был в кадре, но он продолжал играть. Его веки дрогнули, глаза медленно открылись, он замер, услышав второй стук, с раздражением накрылся одеялом, а затем, после толчка Юй Цяньфань, неохотно встал, надел тапочки и медленно подошёл к двери.

— Кто там? — и открыл её.

В момент, когда дверь открылась, камера переключилась, и Гу Чуньлай, опустив глаза, слегка разгладил морщину на лбу и сказал с лёгким раздражением, но без удивления:

— Ты как тут оказалась?

Гу Чуньлай услышал в своём голосе нотки упрёка и лёгкую вину. Он не знал, достаточно ли хорошо сыграл, но во время съёмок думать об этом было некогда.

<http://bllate.org/book/15563/1415624>